

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СТАРЫГИНА

доктор филологических наук, профессор кафедры социальных наук и технологий факультета социальных технологий, Поволжский государственный технологический университет (Иошкар-Ола, Российская Федерация)
starigina@yandex.ru

МОТИВ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗАХ Н. С. ЛЕСКОВА

Цель статьи – показать эффективность такого средства представления контекстуального содержания, как мотив (или мотивный комплекс) в художественном произведении. Предметом изучения являются святочные рассказы Н. С. Лескова, содержание и поэтика которых обусловлены рождественским и святочным контекстом. Анализ мотива как средства контекстуальной поэтики основывается на понимании последней как системы форм представленности контекстуального содержания, определяющих контекстуальную парадигму в творчестве писателя. Формы представленности контекстуального содержания образуются с помощью разнообразных поэтических средств (мотив, символ, образ, интертекст и т. д.) и приемов (именование, цитата, аллюзия и др.). Рождественско-святочный мотивный комплекс в рассказах «Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль», «Зверь» включает христианские мотивы (милосердия, спасения, совести, возрастания души, преображения, искушения, преодоления искушения и др.), языческие мотивы (оборотничества, нечистой силы, поминания усопших и др.), контекстуально-ситуационные мотивы (празднования, дарения, ряжения, гадания, игры). Данные мотивы формируют межкультурное пространство и концептосферу, которые являются базовыми формами представления рождественско-святочного контекстуального содержания в святочном цикле писателя. Языческие и контекстуально-ситуационные мотивы, представляющие рождественский и святочный контексты, трансформируются в зависимости от конкретики жизненной ситуации, изображенной в произведении. Христианские мотивы сохраняют изначальные смыслы, содержащиеся в универсальных концептах («любовь», «совесть», «дух», «вера», «спасение» и др.). Предлагаемый подход к анализу контекстуальной поэтики основывается на вошедших в литературоведческую практику современных теоретических концепциях и позволяет по-новому систематизировать ее элементы.

Ключевые слова: контекстуальная поэтика, контекстуальное содержание, рождественский и святочный контексты, мотив, формы и средства представления контекста

Контекстуальная поэтика все еще остается недостаточно познанным явлением. Очевидно, что в тексте художественного произведения содержатся указания на контекст, например цитаты, аллюзии, реминисценции, топонимы и другие приемы, которые чаще всего рассматриваются в качестве элементов авторской поэтики. Вместе с тем контекстуальная поэтика писателя представляет собой более сложное явление, а именно: систему форм представленности контекстуального содержания, средств и приемов их воплощения в тексте.

Контекст мы рассматриваем как социокультурное содержание, включенное в содержание текста благодаря установленным автором связям между текстом и его социокультурным окружением, актуализирующим важные для воплощения его замысла значения и смыслы, в той или иной степени адекватно воспринятые читателем. Контекст включает а) содержание, формируемое автором в пределах своей контекстуальной (культурологической) компетентности, и б) контекстуальную поэтику. Такое понимание контекста логично и основывается на прочно вошедших в литературоведение теоретических концепциях,

таких как концепция диалогичности литературы М. М. Бахтина и выделение им ближнего и дальнего контекстов [1]; теория интертекста Р. Барта и др. [2]; понимание контекста как составной части текста Ю. М. Лотманом [9]; положения рецептивной эстетики и герменевтики [10], [11] и др. Обстоятельный обзор теории контекста сделан Н. Копытянской [8].

Рассматривая контекстуальную поэтику как систему, мы выделяем три уровня. Первый уровень контекстуальной поэтики – уровень поэтических приемов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание: аллюзия, цитата, реминисценция, антропоним, топоним, названия произведений искусства, изображение предметов интерьера, эпиграф и т. д. Второй уровень контекстуальной поэтики – уровень поэтических средств: символы, социокультурные и литературные универсалии, мифологемы, концепты, идеологемы, интертексты, образы-понятия, образы-эмблемы и др., – представляющих в тексте мир общих понятий и идей [4]. Третий уровень контекстуальной поэтики – формы представленности контекстуального содержания: межкультурное пространство,

символическое поле, интертекст, концептосфера, локальные тексты, авторский витальный текст (под авторским витальным текстом, или авторской витальностью, мы понимаем совокупность реалий: идей, событий, явлений, людей и пр., отображенных в тексте и представляющих жизненный опыт писателя). Поэтические средства и приемы образуют в тексте формы представленности контекстуального содержания. Например, интертекстема, воплощенная в цитате, мотиве или образе-персонаже, участвует в формировании интертекста.

Таким образом, контекстуальная поэтика писателя представляет собой систему форм представленности контекстуального содержания, образованных совокупностью поэтических средств и приемов, актуализирующих контекстуальные смыслы и значения.

Предлагаемый подход к изучению контекстуальной поэтики позволяет выстроить контекстуальную парадигму творчества писателя. При этом наличие и взаимодействие форм представленности контекстуального содержания, как и средств и приемов, будет различным у каждого автора. Это различие определяется своеобразием авторского контекстуального пространства в целом, отдельного периода его творчества, конкретных произведений. Комплексное изучение контекстуальной поэтики дает исследователю возможность составить представление о контекстуальной компетентности, восприимчивости и развитии писателя (как и читателя). При исследовании контекстуальной поэтики писателя первоначальной задачей является изучение поэтических средств и приемов образования форм представленности контекстуального содержания в тексте художественного произведения (см., напр.: [16], [17]). Одним из них является мотив – структурно-семантический элемент текста, обозначенный словообразом или изображенной ситуацией (мотив как категория поэтики осмыслен в исследованиях [12], [13], [14])¹.

Предметом нашего исследования является мотивный комплекс в святочных рассказах Н. С. Лескова как средство образования таких форм представленности контекстуального содержания, как межкультурное пространство, концептосфера, локальный текст. Напомним, что содержание Рождества Христова и святок сформировано, прежде всего, библейской историей рождения Иисуса Христа и народными традициями, обрядами и легендами святочного цикла. Оно включает, с одной стороны, события и ситуации, с другой – смыслы и значения, выраженные в концептах, символах, образах. Важнейшими являются концепты «рождение», «спасение», «любовь», «милосердие», «прощение», «преображение», «возрождение», «почитание» и др. В рождественско-святочную символику, помимо великих христианских символов, таких как Иисус Христос,

Богородица, включены символы «вифлеемская звезда», «дары волхвов», новогодняя елка и др. Концепты и символы, определяющие содержание рождественского и святочного контекстов русской культуры, в художественном произведении чаще всего обуславливают содержание мотивов, образов-персонажей, образов-символов, образов-понятий, сюжетных ситуаций.

В святочных рассказах Н. С. Лескова (см. [6], [7] и др. исследования) рождественско-святочный контекст заявлен изначально благодаря включению рассказов в цикл с говорящим названием «Святочные рассказы», подзаголовку («рождественский рассказ», например) и приуроченностью времени действия к Рождеству и святкам. Эти поэтические приемы автора обогащают тексты рассказов рождественским и святочным контекстуальным содержанием, стимулируют контекстуальную восприимчивость читателя, побуждают его проявить и, при необходимости, раздвинуть рамки собственной контекстуальной компетентности. Вместе с тем писатель активно формирует в рассказах рождественско-святочный мотивный комплекс. Подтверждением являются первые три рассказа цикла «Святочные рассказы» (1886): «Жемчужное ожерелье» (1885), «Неразменный рубль» (1883) и «Зверь» (1883) (1882). Публикация остальных рассказов также осуществлялась в период с 1881 по 1885 год, но именно эти рассказы писатель выбрал в качестве своего рода «зачина» цикла.

В рассказе «Жемчужное ожерелье» рождественский и святочный контексты актуализируются указаниями на время действия (от Рождества до Крещения) и ситуациями празднования Рождества Христова, Нового года, Крещения, на которые накладывается семейно-бытовая ситуация сватовства (которая также характерна для этого периода: на святках объявляли о помолвке, сватались). Совмещение ситуаций, на первый взгляд, заслоняет от читателя христианскую концептосферу и символику Рождества, изображая происходящее как бытовую полукомическую, иногда анекдотическую историю. Однако именно мотивный комплекс рассказа возвращает читателя к вечным смыслам и вечным ценностям. Во-первых, в рассказе воспроизводятся контекстуально-ситуационные рождественские мотивы празднования, прославления, дарения, предсказания будущего и др. Святочные мотивы непосредственно не выявляются, хотя опосредованно присутствует мотив перехода от старого к новому хозяйственному циклу (в связи с празднованием Нового года и со свадьбой, которая влечет за собой изменения в домашнем укладе жизни героев). Этот мотив можно интерпретировать и соотносить с христианским рождественским мотивом начала рая в земной жизни. Также опосредованно в тексте присутствуют святочные мотивы гадания (предсказания будущего), ряжения

(отец героини выдает себя за «другого», ожерелье оказалось фальшивым). Сквозным является мотив дарения – «корзина с дорогими подарками» «дары жениха невесте» (2), «подношение даров» (с. 11), подарок (с. 12), подарок в виде 50-рублевых билетов для всех трех дочерей (с. 14, 15, 16). Основной подарок – жемчужное ожерелье, подаренное героине-невесте отцом, оказавшееся фальшивым. Мотив дарения осложняется мотивом ряжения (образом-перевертышем является не образ-персонаж, а образ-предмет). Мотив ряжения сопрягается с мотивом духовного возрастания: во-первых, отец достаточно прозорлив, нравственен, чтобы понять, какими пройдохами являются мужья его двух дочерей, поэтому обманывает их и лишает дочерей приданого; во-вторых, он осторожен и устраивает проверку мужу младшей дочери (тоже своего рода ряжение), наконец, в-третьих, лучше узнав героя (жениха), поняв его порядочность, честность и доброту, он сам возрастает душой и прощает старших дочерей, одаривая и их. Лесков тонко включает рождественский контекст: подарки жениха невесте названы «дарами» (с. 10), на Рождество состоялось «подношение даров» (с. 11). Рождественский и святочный контексты трансформируют образы бытовых вещей в образы-символы.

В рождественско-святочном контексте важной является ситуация выбора. В рассказе «Жемчужное ожерелье» она присутствует, указывая на мотив выбора (выбор невесты, выбор подарка невесте женихом, выбор подарка дочери и т. п.). В контексте истории сватовства и женитьбы – это нравственный выбор, который должен сделать молодой муж, узнавший, что жемчуг фальшивый, что тесть лишил его супругу наследства. Данная ситуация дублируется: ранее свой выбор сделали мужья старших дочерей. Все жизненные (обыденные, бытовые) ситуации в «Жемчужном ожерелье» восходят к универсальным ситуациям и формируют комплекс «вечных» мотивов: выбора, искушения и его преодоления, борьбы добра и зла, спасения, возрастания души, духовного перерождения или возрождения; добрых дел, мира, любви, радости, надежды, ожидания чуда, семьи, благой (здесь: доброй) вести. Практически полный комплекс рождественских концептов представлен через мотивный комплекс небольшого святочного рассказа Лескова.

Таким образом, основные мотивы рассказа «Жемчужное ожерелье» явно или опосредованно, но очевидно представляют рождественский и святочный контексты. Благодаря им формируется межкультурное пространство и концептосфера произведения.

В рассказе «Неразменный рубль» мотивный комплекс, связанный с Рождеством и святками, особенно разнообразен: это мотивы ряжения, гадания, ворожбы (с. 18), мотив дарения («новенький серебряный рубль» (с. 24) – традиционный

рождественский подарок), мотив рождественской ярмарки (с. 20 и далее). Сюжетообразующим мотивом в рассказе является мотив искушения и преодоления искушения (его можно трактовать и как мотив выбора, и как мотив испытания): он связывает все сюжетные и внесюжетные элементы (например, главу 1, в которой рассказывается о святочном поверье), он маркируется образом-символом неразменного рубля, содержание которого трансформируется в процессе повествования. (В тексте «неразменный рубль» под этим и другими названиями упоминается более 50 раз.) В начале повествования искушение осмысливается как искушение богатством и как обольщение мечтой о богатстве. Образ неразменного рубля в главке 1 (с. 17–18) выступает символом легко и колдовским образом добытого богатства. Символом искушения является традиционный образ – образ дьявола, с которым «должны лицом к лицу встретиться» все, жаждущие добыть в рождественскую полночь неразменный рубль (с. 18). Маленький герой по-своему понимает «богатство»: для него это сладости и «прекрасные вещи», например «картины с генералами» (с. 18), которые можно приобрести на ярмарке. На обычный бабушкин рождественский подарок – «серебряный рубль» – мальчик не мог приобрести эти «богатства», поэтому после рассказа няни он мечтает о «неразменном рубле», который ему обещает подарить бабушка. «Обольщенный этим обещанием» (с. 18), он засыпает в рождественскую ночь. В главке 3 (начало сна героя) образ «неразменного рубля» приобретает дополнительный смысл: он не «переводится» в том случае, если приобретаются «вещи тебе или другим людям нужные или полезные» (с. 19). Таким образом, мотив искушения осложняется мотивом испытания героя и мотивом выбора, перед которым он оказывается. Повествование в главах 4–7 (продолжение сна) организовано ситуацией испытания героя. Мотив искушения (испытания и выбора) дополняется мотивом добрых дел: дается ответ на вопрос, какие вещи являются нужными и полезными: это вещи, которые приносят радость людям (мальчик покупает подарки бедным детям, дворовым слугам: глиняные свистульки, платья и платки, Псалтырь, пояс, гармонию, себе – «сладости и орехи» (21). Искушение богатством мальчик преодолел, выдержал первое испытание. Однако мотив искушения дополняется новым смыслом: герой оказывается перед искушением славой. Он воспринимал себя «центром» (с. 22), гордился собой («как я умен, богат и добр» (с. 22)), в итоге он испытал «чувство досады» (с. 23), убедившись, что вниманием окружающих завладел человек в жилете поверх полушубка. Образ искушителя трансформируется: дьявол, персонаж рассказанного няней поверья, сначала является в виде «пузатого купца» (с. 22), а затем в образе «длинного, сухого

человека» (с. 22), «который очень лукаво улыбнулся» (с. 23), вступая в торг с мальчиком, просящим продать ему жилет. Функция образа толстого торговца как искусителя – создать представление о смущении и досаде в душе мальчика; функция образа «длинного, сухого человека» как искусителя – показать, как переключается внимание мальчика с высокого на суетное, как он увлекается призрачными материальными ценностями, то есть, по сути, показать, как переформируется его система ценностных ориентиров. Все эти смыслы вбирает в себя еще один символический образ – образ «стекловидных пуговиц, от которых исходило слабое, тусклое блистание» (с. 22). Заметим, что писатель вводит внутреннее противопоставление: если сияние (свет) – сильное, яркое, вечное (постоянное), то блистание – слабое и тусклое, то появляющееся, то пропадающее. Эти пуговицы могут «блестеть на минутку» (с. 23), они «стекляшки» (с. 23), ненужные и бесполезные, обманывающие неискушенных людей. Суета – это и есть увлечение «стекляшками». В главе 8, заключительной, содержится морализаторское заключение, которое писатель вкладывает в уста бабушки: «Неразменный рубль – по-моему, это талант, который Провидение дает человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутьи четырех дорог, из которых с одной всегда должно быть видно кладбище. Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чем для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие. Все, что он сделает для истинного счастья своих ближних, никогда не убавит его духовного богатства, а напротив – чем он более черпает из своей души, тем она становится богаче. <...> Суета затемняет ум...» (с. 24–25).

Традиционный смысл образа-символа «неразменного рубля», обозначенный героем-повествователем в предисловии к рождественской истории, трансформируется в процессе рассказа. Согласно народному поверью, образ «неразменного рубля» символизирует легкое обогащение и искушение завладеть «легким» богатством. В финале рассказа героиня (бабушка) раскрывает смысл образа «неразменного рубля» (как она его понимает, и этот смысл воспринимает ее внук). Читатель воспринимает и другие смыслы: образ «неразменного рубля» становится для него символом добрых дел, приносящих людям радость; символом возрастания души человека; символом служения людям, духовного преображения героя; символом ценности духовных ориентиров в жизни человека; наконец, символом духовной щедрости и милосердия Иисуса Христа, дарующего людям волю и духовную силу в ситуации испытания (искушения).

Рождественское и святочное контекстуальное содержание рассказа «Неразменный рубль» выявляется в образованных в тексте с помощью мотивов, символов и концептов межкультурном пространстве, символическом поле, концептосфере, являющихся актуальными для Лескова формами представленности контекстуального содержания.

В рассказе «Зверь» важнейшим событием является празднование Рождества в помещицком доме. «По обыкновению» съехались гости (с. 31, 33 и далее); сочельник завершился поздним ужином «при звезде, за один раз с обедом» (с. 32); в день Рождества в зале собрались гости, все «в праздничном» (с. 33). «В зале, кроме множества родных и гостей, стояло духовенство: священник, дьякон и два дьячка» (с. 33). Украшением залы была елка (с. 41). Начало празднования ознаменовалось исполнением ирмоса «Христос рождается» (с. 33), затем последовали чаепитие, «маленький завтрак и в два часа ранний праздничный обед» (с. 33), после которого была запланирована и состоялась забава – травля медведя. Празднование Рождества Христова не отклонялось от сложившихся традиций, что подчеркнуто упоминанием звезды как символа Рождества («звезда Его на востоке» как вестник рождения Иисуса Христа) и елки – символа Нового года, который со временем, как известно, стал и символом Рождества. Традиционно для празднования Рождества Христова исполнение ирмосов канона Рождества Христова (в рассказе говорится об исполнении ирмоса «Христос рождается» (с. 33). Позднее, после трагической травли Сганареля, это песнопение, которое толкует отец Алексей, возвращает всех присутствующих в атмосферу великого духовного события – Рождества Христова: «Священник стал нам разъяснять слова “славите”, “рящите” и “возносятся”...» (с. 42). В переводе на современный русский язык текст ирмоса звучит следующим образом: «Христос рождается, – славьте! / Христос с небес, – встречайте! / Христос на земле, – возносите! / Пой Господу, вся земля, / И с веселием воспойте, / люди, ибо Он прославился» [15]. Смысл ирмоса в следующем: «...сознайте любовь Божию к вам, ободритесь, падшие, и торжествуйте, переносясь мыслию на небо, которое становится вам доступным» [15]. Читатель не знает, как объяснил священник Алексей содержание песнопения. Однако в контексте сложившейся ситуации священник счел необходимым напомнить людям о другом: отец Алексей «сам тихо «вознесся» и умом, и сердцем. Он заговорил о *даре*, который и нынче, как и «время оно», всякий бедняк может поднести к яслям «рожденного отроча», смелее и достойнее, чем поднесли золото, смирну и ливан волхвы древности. Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению. Старик говорил о любви, о прощении, о долге каждого утешить

друга и недруга «во имя Христово»...» (с. 42). Священник (в пересказе героя-повествователя) воспроизвел универсальную ситуацию, используя образы яслей, даров (золото, смирна, ладан) и волхвов. Но дар он толкует по-своему (что подчеркнуто авторским курсивом): это «наше сердце...», вмещающее любовь, прощение, утешение, дружбу. Такая трактовка универсального образа (дары) – результат воздействия ситуационного контекста, то есть празднования Рождества, жестокой травли зверя и т. д. Образ-символ сердца становится указанием на универсальные христианские мотивы рождественского цикла. В том числе и на мотивы, связанные с ирмосом «Христос рождается». Слова отца Алексея «...сердце, исправленное по Его учению» явно перекликаются со словами «Христос на земле, – возносите!»: вера дает основания вознестись духом, обрести гармонию эмоционально-чувственной и интеллектуально-рациональной жизни («сознайте любовь Божию к вам...»).

В ситуацию празднования Рождества Христова органично приписывается ситуация выбора, в которой оказывается дядя героя-повествователя, который должен выбрать между милосердием и жестокостью. Выбор принципиальный, поскольку «дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему важнее всякого снисхождения» (с. 27). Мотив милосердия в рассказе «Зверь» развивается сложно: от отрицания ценности милосердия (дядей героя-повествователя) – через детскую безграничную веру в «беспредельное милосердие Божие» (с. 33), неоднозначное отношение взрослых, наблюдавших казнь медведя (равнодушные к судьбе зверя (с. 36, 37), проявляющую жалость (с. 36, 37)), через напоминание отца Алексея о вере Христовой, любви, прощении, долге утешения (с. 42) и через молитвы ребенка о милосердии (с. 33) и общей молитвы (с. 42) – к прозрению дяди (с. 42). Момент прозрения героя писатель соотносит с ситуацией духовного единения верующих. Знаковыми становятся мотив молитвы («слушали с особенным чувством, как бы моляся...» (с. 42)) и мотив слез («у многих из нас на ресницах дрожали хорошие слезы...» (с. 42)). На то, что дядя был захвачен этой атмосферой, указывает образ слез: «Происходило удивительное: он *плакал!*» (с. 42, курсив автора). В христианской культуре слезы символизируют восхождение молящегося к Богу, «собрание» человека в соединении ума и сердца. Кроме того, слезы на молитве являются признаком Божьей милости. Слезы свидетельствуют, что человеку открылись его прегрешения, к нему приходит страх суда и понимание смерти, смирение, любви к Богу и ближним, он чувствует духовное утешение, несравнимое с радостями земными (см.: Человек – храм Божий. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь,

1993). Ситуация выбора трансформируется в ситуацию прозрения героя, его возрождения в вере. Герой иллюстрирует слова отца Алексея: «Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению» (с. 42). Акт прозрения как бы закрепляется благословением священника (с. 42). Мотивы милосердия и прозрения актуализируют мотив дарения. Во-первых, герой *благодарит* отца Алексея (с. 42–43): целует ему руку и говорит «спасибо». Во-вторых, дядя прощает Ферапонта (с. 43) и дарит ему «вольную и сто рублей» (с. 43). В-третьих, и это главное, дядя в ответ на отказ Ферапонта от вольной, в сущности, дарит ему свое сердце: «Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Ферапонта <...> Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава нашему Богу и заблагоухал мир во имя Христово, на месте сурового страха» (с. 43). (Символика белого цвета в данном эпизоде и далее при упоминании «белоголового длинного старика» важна, ведь белый цвет не только символизирует чистоту, невинность и правду, но и является символом крещения и причастия.) В этом эпизоде акцентируется мотив прославления Христа, связанный с празднованием Рождества Христова и обозначенный ранее указанием на ирмос «Христос рождается». Мотивы прозрения (возрождения), милосердия, празднования, прославления Бога и дарения объединяются в сообщении о том, что в деревню «...были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры, и было веселье во всех, и шутя говорили друг другу: – У нас ноне так случилось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить» (с. 43).

В заключении-резюме героя-повествователя вновь заостряется внимание читателя на центральной идее рассказа: «Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению» (с. 42), и вновь сводятся воедино основные мотивы рассказа: веры, милосердия, добра, дарения, прославления Христа и др.: «Цветов им теперь приносить уже некому, в московских норах и трущобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел поспевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу» (с. 43–44). Новые мотивы: праведничества (который подкрепляется шутливым именованием Ферапонта: «*укротитель зверя*» (с. 44)) и чуда (чудо есть сам человек, живущий по заповедям Бога и творящий добро), – вводят рассказ «Зверь» не только в контекст цикла «Святочные рассказы», но и в контекст творчества Н. С. Лескова, и в контекст христианской духовной культуры.

Подводя итоги, можно сказать, что христианские концепты, представленные образами, символами, понятиями, определяющие содержание рождественского и святочного контекстов русской культуры, в святочных рассказах Лескова

обуславливают содержание мотивов, которые становятся основным средством образования в тексте произведений базовых для Лескова форм представленности контекстуального содержания: межкультурного пространства, концептосферы, а также локальных текстов (например, усадебный текст в рассказе «Зверь»). В святочных рассказах это мотивы празднования, дарения, гадания, предсказания, ряжения, игры, нечистой силы, милосердия, совести, искушения и его преодоления, возрастания души, преображения, прославления и др. Рождественские и святочные мотивы, характерные для рассказов Лескова, можно разделить на три группы: 1) мотивы христианские (ценностно-ориентирующего содержания): спасения, ду-

ховного преображения, возрастания души, любви, милосердия, борьбы добра и зла, искушения, добрых дел, прозрения и др.; 2) традиционные (фольклорные) и языческие мотивы (нечистой силы, явления духов, привидений и т. д.); 3) мотивы контекстуально-ситуационные: рождения, праздника, дарения, гадания, ряжения. В смысловом плане неизменны христианские (рождественские) мотивы: они содержат абсолютные смыслы и значения. Трансформируются, но остаются аллюзивными и узнаваемыми контекстуально-ситуационные мотивы. В целом мотивный комплекс святочных рассказов Лескова является эффективным средством оформления и представления контекстуального – рождественского и святочного – содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. также: Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 1. Новосибирск, 1996. 268 с.; Словарь-указатель сюжетов и мотивов в русской литературе. Вып. 1 / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 2003. 243 с.
- ² Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. С. 10. Далее цитирую, указывая в круглых скобках страницу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975. С. 203–212.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
3. «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. Новосибирск, 1996. 130 с.
4. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: Монография. М., 2010. 256 с.
5. Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайони. М., 2004. 672 с.
6. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. 258 с.
7. Зенкевич С. И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
8. Копытская Н. Контекст как литературоведческое понятие и категория поэтики романа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.digilib.phil.muni.cz/Literalt-matitas_014-2006-1_29pdf (дата обращения 02.04.2016).
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Семиотика культуры и понятие текста. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.
10. Мукаржовский Ян. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. 605 с.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2008. 695 с.
12. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Новосибирск, 1999. 104 с.
13. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004. 296 с.
14. Фариньо Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. 639 с.
15. Христос воскрес! [Электронный ресурс]. Режим доступа: days.Pravoslavie.ru/rubrics/canon/86.htm (дата обращения 20.03.2016).
16. Starygina N. N., Pershina M. A., Mokheeva I. N., Berezina O. S. Dickens' Christmas Story is an Intertexteme in Leskov' Yule Short Story // Review of European Studies / Special Issue / Canadian Centre of Science and Education. 2015. Vol. 7. № 8. P. 193–201.
17. Starygina N. N., Berezina O. S., Mikheeva I. N., Pershina M. A. Universal Situation as a Literary-Semantic Phenomenon: On the Example of Works by N. S. Leskov // Mediterranean Journal of Social Sciences // 2015. Vol. 6. № 3S7. Yune. Special Issue. P. 91–96.

Starygina N. N., Volga State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

MOTIVE AS A TOOL OF CONTEXTUAL REPRESENTATION OF SHORT CHRISTMAS STORIES BY N. S. LESKOV

The aim of the article is to demonstrate effectiveness of the motive as a tool of contextual representation (or a motive complex) in literary works. Short Christmas stories by N. S. Leskov are the subject of the study. The content and poetics of these stories are determined by Christmas and Yule contexts. Analysis of the motive as of the tool of contextual poetics is based on the perception of contextual poetics. Contextual poetics is understood as a system of forms of contextual representation, which was formed by the variety of means and methods revealing the sense and the meaning of the text. The forms of contextual representation include the following: the intertextual sphere of the literary work, the concept sphere, the local text, the author's individual text and etc. All together they determine a contextual paradigm of the writer's works. These forms are created with the help of different poetical means (a motive, a symbol, an image, an intertexteme, etc.) and methods (naming, quotation, allusion, etc.). The Christmas and Yule motivational complex in such short stories as "The Pearl Necklace", "The Unconvertable Ruble", "The Beast", "The Castle Ghost" includes multiple Christian motives (mercy, good will, growth of a human soul, change, challenges, inner conflicts and their overcoming), pagan motives (turn skinning, deviltry, commemoration meetings, etc.), contextual-situational motives (celebrations, presents' sharing, masking, fortune-telling, games, etc.). First of all, these motives form both a contextual sphere and a concept sphere, which act as basic forms for representation of Christmas and Yule contents in the Yule works of the writer. Contextual-situational

and pagan motives, which represent Christmas and Yule contexts, transform because of the concrete living position depicted in the writer's literary works. Christian motives remain unchanged with their original meanings and basic concepts of love, spirit, faith, conscience, salvation, etc. The given approach to the analysis of contextual poetics is based on modern theoretical concepts used by the literature-studying practice. The approach is systemic and complex by nature, which allows consideration of such phenomenon as contextual poetics.

Key words: contextual poetics, contextual contents, Christmas and Yule contexts, forms and means of contextual representation, Leskov, Yule short stories

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. To the methodology of literary studies [K metodologii literaturovedeniya]. *Kontekst-1974*. Moscow, 1975. P. 203–212.
2. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. 616 p.
3. "Vechnye" syuzhety russkoy literatury: "Bludnyy syn" i drugie ["Timeless" images of the Russian literature "Prodigal son" and others]. Novosibirsk, 1996. 130 p.
4. Volodina N. V. *Kontsepty, universalii, stereotypy v sfere literaturovedeniya: Monografiya* [Concepts, universals, stereotypes in literature studies: monograph]. Moscow, 2010. 256 p.
5. *Geopanorama russkoy kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of Russian culture. The province and its local texts]. Moscow, 2004. 672 p.
6. Dushchikina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: Stanovlenie zhanra* [Russian Yule short story: The origins of the genre]. St. Petersburg, 1995. 258 p.
7. Zenkevich S. I. *Zhanr svyatochnogo rasskaza v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre of the Yule short story in the works of N. S. Leskov]. St. Petersburg, 2005. 23 p.
8. Kopyst'yanskaya N. *Kontekst kak literaturovedcheskoe ponyatie i kategoriya poetiki romana* [The context as a literary concept and category of the poetics of the novel]. Available at: www.digilib.phil.muni.cz/Literalt-matitas_014-2006-1_29pdf (accessed 02.04.2016).
9. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta* [Selected works. Semiotics of culture and the concept of the text]. Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 129–132.
10. Mukarzhovskiy Yan. *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* [Studies in aesthetics and art theory]. Moscow, 1994. 605 p.
11. Riker P. *Konflikt interpretatsiy: ocherki po germenевitike* [Conflict of interpretations: essays about hermeneutics]. Moscow, 2008. 695 p.
12. Silant'ev I. V. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike* [Theory of the motive in Russian literature and folklore studies]. Novosibirsk, 1999. 104 p.
13. Silant'ev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of the motive]. Moscow, 2004. 296 p.
14. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literature studies]. St. Petersburg, 2004. 639 p.
15. Khristos voskrese! [Christ is risen!]. Available at: days.Pravoslavie.ru/rubrics/canon/86.htm (accessed 20.03.2016).
16. Starygina N. N., Pershina M. A., Mikhееva I. N., Berezina O. S. Dickens' Christmas Story is an Intertexteme in Leskov' Yule Short Story // *Review of European Studies / Special Issue / Canadian Centre of Science and Education*. 2015. Vol. 7. № 8. P. 193–201.
17. Starygina N. N., Berezina O. S., Mikhееva I. N., Pershina M. A. Universal Situation as a Literary-Semantic Phenomenon: On the Example of Works by N. S. Leskov // *Mediterranean Journal of Social Sciences* // 2015. Vol. 6. № 3S7. Yune. Special Issue. P. 91–96.

Поступила в редакцию 12.05.2016